

П. ВЕРГИЛІЙ МАРОНЪ.

Энеиды

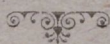
ЭНЕИДА

Книга 2-я.

Переводъ Преподавателя Ревельскаго Домскаго Училища

Е. В. Кисельникова.

А. Кошкин 1911

Ревель, 1911 г.

Типографія «Ревельскихъ Извѣстій».

П. ВЕРГИЛІЙ МАРОНЪ.

ЭНЕИДА

Книга 2-я.

Переводъ Преподавателя Ревельскаго Домскаго Училища

Е. В. Кисельникова.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Ревель, 1911 г.

Типографія «Ревельскихъ Извѣстій».

AR
Fr. H. Kowitzweid
Abt. 654 Physik
Kamp 11000

64 175

2-ая книга Энеиды представляет собою первую половину рассказа Энея на пиру у Дидоны, царицы Карфагена, и может быть озаглавлена двумя словами: «Разрушеніе Трои». Въ 1-ой книгѣ поэтъ вводитъ читателя, какъ говорится, *in medias res*, т. е. въ середину событій, описывая бурю на морѣ около Сициліи, которая заноситъ Энея съ троянцами въ Карфагенъ.

Энеида.

Пѣснь II.

Смолкли всѣ и напряженно устремили взоры.
Тогда отецъ Эней началъ такъ съ высокаго ложа:
«Невыразимое горе велишь обновить ты, царица,
Какъ троянское могущество и несчастное царство
Разрушили греки, какіе ужасы я самъ видѣлъ 5.
И въ какихъ былъ главнымъ участникомъ... — кто,
говоря объ этомъ
Изъ мирмидонцевъ, долоповъ или воиновъ жестокаго
Улисса
Удержался бы отъ слезъ? И влажная ночь уже
спускается
Съ неба и заходящія свѣтила приглашаютъ ко
сну.
Но если такъ велико желаніе узнать наши бѣдствія 15.
И вкратцѣ услышать о послѣднемъ страданіи Трои,—
Хотя душа страшится вспоминать объ нихъ и сердце
сжимается отъ горя, —
Я начну.
Изнуренные войной и отвергнутые судьбой
Вожди грековъ, когда прошло уже столько лѣтъ,
Сооружаютъ, съ помощью богини Паллады, коня, 15.
На подобіе горы, и обшиваютъ бока еловыми досками:
Они дѣлаютъ видъ, что это даръ за возвращеніе и
этотъ слухъ распространяется.
Сюда, въ темные бока, бросивъ жребій, они украд-
кой заключаютъ
Отборныхъ воиновъ и громадное пространство
Внутри живота заполняютъ вооруженными солда- 20.
тами.

Есть въ виду Трои островъ, прославленный молвою
Тенедось; онъ былъ богатъ, пока оставалось царство
Приама;

Теперь — только стоянка для кораблей и мало на-
дежная бухта:

Отъѣхавъ сюда, они скрываются на покинутомъ
берегу.

25. Мы думаемъ, что они ушли и по вѣтру устремились
въ Микены:

И такъ вся Трояда освобождается отъ долгаго горя.
Открываются ворота; приятно пойти и увидѣть
Греческій лагерь, покинутыя мѣста и оставленный
берегъ.

Здѣсь были отряды долоповъ, здѣсь имѣлъ палатку
суровый Ахиллъ,

30. Здѣсь мѣсто флота, здѣсь обыкновенно состязались
въ бою.

Часть стоитъ въ изумленіи передъ гибельнымъ да-
ромъ дѣвы-Минервы,

И дивятся громадѣ коня; и впереди всѣхъ Эпиметесъ
Совѣтуетъ вести коня въ городъ и помѣстить въ
кремль, —

35. Изъ коварства ли, или ужъ такъ хотѣла судьба Трои.
А Каписъ и у кого въ душѣ были лучшія мысли,
Велятъ или свергнуть въ море коварные и подозри-
тельные

Дары грековъ, или сжечь, подложивъ огонь,

Или пробуравить животъ коня и изслѣдовать, что
тамъ сокрыто.

Нерѣшительная чернь раскалывается на противопо-
ложныя партіи.

40. Тутъ, далеко впереди всѣхъ, въ сопровожденіи боль-
шой толпы,

Гнѣвный Лаокоонъ бѣжитъ съ вершины акрополя
И издали кричить: «Несчастные! что за безуміе,
граждане!

Вѣрите вы, что враги уѣхали и думаете, что какіе-
нибудь

Дары грековъ свободны отъ козней? Такъ извѣстенъ
Улиссъ?

45. Или въ этомъ деревѣ скрываются заключенные греки,
Или эта машина сооружена противъ нашихъ стѣнъ,

- Чтобы смотрѣть на дома и сверху спускаться въ
городъ,
Или какой-нибудь другой скрывается обманъ. Не
вѣрите коню, троянцы!
Что бы то ни было, я боюсь грековъ, даже дары при-
носящихъ!»
- Такъ сказавъ, со страшною силой швырнулъ онъ 50.
громадное
Копье въ бокъ и въ самое чрево чудовища съ его
изогнутыми
Досками. Оно остановилось, дрожа, и отъ сотрясе-
нія живота
Полость внутри загудѣла и издала глухой звукъ
И если бы на то была воля боговъ, если бы нашъ
умъ не былъ ослѣпленъ,
Онъ побудилъ бы насъ изрубить мечами утаившихся 55.
грековъ,
И Троя бы теперь стояла, и ты былъ бы цѣль, вы-
сокой замокъ Пріама.
- А между тѣмъ троянскіе пастухи съ громкимъ
крикомъ тащили
Къ царю неизвѣстнаго юношу со связанными за спи-
ной руками,
Который самъ добровольно отдался имъ, выйдя на-
встрѣчу,
Чтобы подстроить это самое и открыть Трою грекамъ. 60.
Твердый въ душѣ, онъ готовъ былъ на то и другое:
Или осуществить свое коварство, или погибнуть
вѣрною смертию.
- Троянская молодежь, гори любопытствомъ посмо-
трѣть, сбѣгается
Со всѣхъ сторонъ и, обступивъ плѣнника, напере-
рывъ издѣвается надъ нимъ.
- Послушай же теперь о продѣлкѣ данайцевъ и по 65.
Узнай ихъ всѣхъ. [одному преступленію
Въ самомъ дѣлѣ, какъ только смущенный, безоруж-
ный, онъ остановился
Въ срединѣ, на виду у всѣхъ и окинулъ взоромъ
толпу троянцевъ,
Онъ сказалъ: «Горе мнѣ! Какая теперь земля, ка-
кое море можетъ меня
Принять? И что вообще остается еще мнѣ, не- 70.
счастному?»

Мнѣ и у грековъ нѣтъ нигдѣ мѣста, и сверхъ того сами Троянцы въ гнѣвѣ требуютъ кровавой расправы». Этотъ стонъ измѣнилъ настроеніе, и всѣ нападки Прекратились. Мы просимъ сказать, какого онъ происхожденія,

75. Кто онъ; пусть расскажетъ, на что онъ надѣялся, отдавшись въ плѣнъ.

Онъ, освободившись, наконецъ, отъ страха, говорить слѣдующее:

«Во всемъ я признаюсь тебѣ, царь, что бы изъ этого ни вышло, по правдѣ,

Сказалъ онъ, — и не стану отрицать, что я по происхожденію грекъ.

Это прежде всего: и если судьба сдѣлала Синона несчастнымъ,

80. То она, злодѣйка, не сдѣлаетъ его еще лжецомъ и обманщикомъ.

Можетъ быть, какъ-нибудь въ разговорахъ дошло до твоего слуха имя

И разнесенная молвою слава Паламеда, сына Бела, Котораго пелазги, ложно обвинивъ въ измѣнѣ,

Невиннаго, по ужасному доносу, за то, что онъ былъ противъ войны,

85. Предали смерти, а теперь оплакиваютъ, когда его нѣтъ уже больше на свѣтѣ;

Ему-то спутникомъ, какъ близкаго родственника,

Послалъ меня сюда бѣдный отецъ на войну съ первыхъ лѣтъ. 6-2

Пока онъ царствовалъ, невредимый и имѣлъ силу въ совѣщаніяхъ

Царей, и я пользовался нѣкоторымъ значеніемъ и Почетомъ. Послѣ того какъ, вслѣдствіе зависти коварнаго Улисса, —

90. Я говорю, что всѣмъ извѣстно — онъ оставилъ земные предѣлы,

Я, отверженный, влачилъ жизнь во мракѣ и печали

И про себя негодовалъ на гибель невиннаго друга: И не смолчалъ, безумный, и далъ обѣщаніе, если

представится какой-нибудь случай,

95. Если когда-нибудь вернусь побѣдителемъ въ родную Элладу,

Стать мстителемъ за друга... И этими словами возбудилъ страшную ненависть.

Съ этого времени начались мои бѣдствія, съ этого
 времени Улиссъ постоянно
 Пугалъ меня новыми обвиненіями, съ этого времени
 онъ сталъ сѣять въ народѣ
 Сомнительные слухи и искать сообщниковъ по оружію.
 И вѣдь не успокоился, пока съ помощью Калханта не... 100.
 Но что же я напрасно разсказываю эти жалобныя
 вещи?
 И что я васъ задерживаю? Если вы ставите на
 одну доску всѣхъ грековъ,
 И этого уже достаточно слышать: уже давно пора:
 приведите казнь въ исполненіе;
 Этого хотѣлъ бы царь Итаки и дорого заплатятъ за
 это дѣти Атрея».

Тутъ-то загорается мы желаніемъ узнать и раз- 105.
 спросить о причинахъ,
 Не подозрѣвая такихъ злодѣйствъ и хитрости це-
 лазговъ.
 Онъ робко продолжаетъ и говоритъ съ коварствомъ
 въ сердцѣ:
 «Часто греки хотѣли пуститься въ бѣгство, оставивъ
 Трою.
 Часто хотѣли они удалиться, утомившись долгою
 войной;
 И какъ хорошо было бы, если бы они сдѣлали это! 110.
 Но всякій разъ имъ мѣшала
 Суровая непогода на морѣ, и уже уходящихъ пугалъ
 южный вѣтеръ.
 Особенно, когда уже спитый изъ кленовыхъ досокъ
 Стоялъ этотъ конь, по всему небу съ шумомъ по-
 неслись тучи.
 Полные сомнѣнія, мы отправляемъ Эврипила вопро-
 сить оракулъ.
 Феба, и онъ приноситъ изъ святилища такой страш- 115.
 ный отвѣтъ:
 «Кровью успокоили вы вѣтры, убивши дѣвцу,
 Когда впервые, данайцы, вы прибыли къ Иліонскимъ
 берегамъ;
 Кровью должно быть куплено возвращеніе, и грече-
 ской душою
 Нужно умиловитъ боговъ». Какъ только эти слова
 дошли до слуха черни,
 Всѣ остолбенѣли, и холодная дрожь пробѣжала по мозгу 120.

- Костей: кто-то обречень судьбою, кого-то требует
Аполлонъ?
- Тутъ итакіецъ съ большимъ шумомъ вытаскиваетъ
на средину
- Прорицателя Калханта: требуетъ объяснить, что значать эти
Требованія боговъ. А мнѣ уже многіе предвѣщали
жестокій
125. Замыселъ злодѣя и молча видѣли грядущее.
Десять дней молчитъ онъ и, скрывая тайну, отказывается
Выдать кого-нибудь своими словами и обречь на
смерть.
Лишь, наконецъ, вынужденный угрозами и крикомъ
Одиссея,
Онъ прерываетъ молчаніе, какъ было условлено, и
обрекаетъ меня на жертву.
130. Всѣ согласились, и чего каждый боялся для себя,
Позволили обратить на голову одного несчастнаго.
И уже насталь ужасный день: для меня готовили
жертвенную обстановку
И соленую муку и ленты для висковъ.
Я убѣждалъ, признаюсь, отъ смерти и порвалъ
оковы,
135. И ночью незамѣтно укрылся въ осокѣ тинистаго озера
И ждалъ, пока они распустятъ паруса, если только
распустятъ.
И нѣтъ уже у меня никакой надежды увидѣть прежнюю
родину,
Дорогихъ сыновей и желаннаго родителя,
Которыхъ они, можетъ быть, еще подвергнуть на-
казанію за мой
140. Побѣгъ, и мою вину искупить смерть несчастныхъ.
Поэтому, во имя небожителей, во имя боговъ, сви-
дѣтелей истины,
Во имя незапятнанной правды, если она гдѣ-нибудь
до сихъ поръ
Остается среди смертныхъ, умоляю тебя: сжался
надъ такими
Страданіями, сжался надъ душой, несущей не за-
служенную кару».
145. За эти слезы мы даемъ жизнь, и даже проникаемъ
состраданіемъ.

Самъ Пріамъ первый велитъ снять тѣсныя оковы,
 связывавшія
 Руки, и обращается къ нему такъ съ дружествен-
 ными словами:
 Кто бы ты ни былъ, съ этой минуты забудь уже
 покинутыхъ грековъ:
 Ты будешь нашъ. И отвѣтъ мнѣ по правдѣ на слѣ-
 дующіе вопросы:
 Къ чему они поставили этого громаднаго, чудовищ- 150.
 наго коня? Кто посовѣтовалъ?
 Чего они хотятъ? Что это? — священный даръ или
 военная машина?»
 Пріамъ сказалъ. Онъ, вооруженный коварствомъ и
 хитростью грека,
 Поднялъ къ звѣздамъ руки, вынутыя изъ оковъ,
 И говоритъ: «Васъ, вѣчные огни, и вашу ненару-
 шимую волю
 Зову въ свидѣтели; васъ, жертвенникъ и ужасный 155.
 мечъ,
 Которыхъ я избѣжалъ, и священные ленты, кото-
 рые носилъ, какъ жертва:
 Не грѣхъ мнѣ нарушить священные законы грековъ,
 Не грѣхъ ненавидѣть этихъ людей и вынести на-
 ружу все,
 Что они скрываютъ; и никакіе законы родины меня
 не связываютъ.
 Ты только, спасенная Троя, будь вѣрна своимъ 160
 обѣщаніямъ и сохрани
 Свое слово, если я скажу правду, если щедро за-
 плачу за пощаду.
 Всѣ надежды грековъ и вся увѣренность въ нача-
 той войнѣ
 Всегда опирались на помощь Паллады. Но съ тѣхъ
 поръ какъ безчестный
 Сынъ Тидея и изобрѣтатель преступленій Улиссъ
 Рѣшились похитить изъ святаго храма роковой 165.
 Палладіумъ, перебили сторожей на вершинѣ акро-
 поля,
 И, унеся священное изображеніе, осмѣлились окро-
 вавленными
 Руками коснуться дѣвическихъ лентъ богини, —
 Съ того времени стали ушлывать и, скользя назадъ,
 уноситься

170. Надежды данайцевъ, ослабѣли ихъ силы, отверну-
лась отъ нихъ душа богини.
И въ ясныхъ знаменіяхъ дала Паллада тому дока-
зательства.
Едва статуя была помѣщена въ лагерѣ, огненные
искры
Засверкали въ широко раскрытыхъ глазахъ, соленый
потъ
Выступилъ на членахъ, и — удивительно сказать —
она сама трижды
175. Подпрыгнула съ земли, держа щитъ и дрожащее копье.
Калхантъ тотчасъ возвѣщаетъ, что нужно пытаться
бѣжать по морю,
И нельзя разрушить Пергамъ оружіемъ грековъ,
Если они не испросятъ снова въ Греціи знаменій
у боговъ и не вернутъ божество,
Которое они увезли по морю на своихъ изогнутыхъ
суднахъ.
180. А что теперь они устремилсъ по вѣтру въ родныя
Микены,
Такъ это они готовятъ оружіе и содѣйствіе
боговъ и снова, переѣхавъ море.
Неожиданно появляются здѣсь: такъ толкуетъ знаме-
нія Калхантъ.
Этого коня они поставили по его совѣту вмѣсто
Палладіума,
Вмѣсто оскорбленнаго божества, чтобы искупить
свой тяжелый грѣхъ.
185. Но Калхантъ нарочно велѣлъ воздвигнуть громаду
такихъ необъятныхъ размѣровъ
Изъ соединенія крѣпкихъ деревьевъ и возвести ее
выше къ небу,
Чтобы нельзя было принять ее въ ворота и про-
вести въ городъ,
И чтобы она не могла охранять молящійся, какъ
прежде, народъ.
Вѣдь если ваша рука оскорбитъ дары Минервы,
190. Тогда страшная гибель — пусть боги впередъ на
него самого
Обратить это предсказаніе — достигнетъ царство
Пріама и троянцевъ;
А если съ помощью вашихъ рукъ конь поднимется
въ вашъ городъ,

То Азія сама пойдетъ великою войною на города
Пелопы, и эта судьба ожидаетъ нашихъ внуковъ».

Благодаря такой выдумкѣ и хитрости вѣроломнаго 195.
Синона,

Повѣрили всему и поддались коварству и притвор-
нымъ слезамъ

Тѣ, кого не одолѣли ни сынъ Тидея, ни Ларисскій
Ахиллъ,

Ни десять лѣтъ войны, ни тысяча кораблей.

Тутъ другое зрѣлище, большее и гораздо болѣе
страшное,

Представляется несчастнымъ и неожиданно пора- 200.
жаетъ сердца.

Лаокоонъ, назначенный жребіемъ жрецъ Аполлона,
Готовился заколотъ у торжественно украшеннаго
жертвенника громаднаго быка.

И вотъ отъ Тенедоса, по спокойной водной пучинѣ
два. . . —

Мнѣ страшно рассказывать — два змѣя, огромными
крутами,

Двигутся по морю и оба вмѣстѣ направляются къ 205.
берегу;

Ихъ груди, приподнятыя среди волнъ, и кровавыя
Гривы возвышаются надъ водою, а остальные части
сзади

Скользятъ по морю, и спины извиваются громадной
спиралью.

Разносится шумъ пѣнящагося моря. . . и они уже
достигли берега. . .

И ихъ глаза, полные кровью, горѣли огнемъ. 210.

И дрожащими языками лизали они шипящія края
пастей.

При видѣ ихъ мы разбѣгаемся, блѣдные отъ страха.
Они прямымъ путемъ

Устремляются на Лаокоона, — и прежде всего, обнявъ
Небольшія тѣла двухъ сыновей, оба разомъ

Обвиваютъ и терзаютъ зубами несчастные члены; 215.

Потомъ его самого, слышавшаго на помощь съ ору-
жіемъ въ рукахъ,

Схватываютъ и сдавливаютъ огромными кольцами,
и уже

Дважды обвили по срединѣ, дважды обернули во-
кругъ шеи

- Свои покрытыя чешуей спины и возвышаются надъ
 нимъ ихъ головы и высокія шеи.
220. Онъ то старается разорвать руками узлы, —
 И ленты на немъ обливаются ихъ ядовитой черною
 кровью, —
 То поднимаетъ къ небу страшные крики,
 Словно ревущій раненый волъ, когда онъ убъжалъ
 отъ жертвенника
 И вытряхнулъ изъ шеи неудачно вонзенный топоръ.
225. А оба дракона ускользаютъ къ святынямъ, лежа-
 щимъ на возвышеніи,
 Быстро направляясь къ твердынѣ жестокой Паллады,
 И скрываются подъ круглымъ щитомъ у ногъ богини.
 Тутъ у всѣхъ въ потрясенныя сердца проникаетъ
 Новый страхъ, и начинаютъ говорить, что заслуженно
230. Поплатился за преступленіе Лаокоонъ, который острі-
 емъ оружія
 Оскорбилъ священное дерево, вонзивъ въ коня пре-
 ступное копьё.
 Кричатъ, что нужно вести коня къ храму богини и
 Молить о прощеніи.
 Мы разрушаемъ стѣны и обнажаемъ городскія стро-
 енія.
235. Всѣ принимаются за работу и подкладываютъ подъ
 ноги
 Катящіяся колеса и протягиваютъ къ шеѣ
 Сдѣланную изъ накли веревку. Переступаетъ стѣны
 роковая машина,
 Полная вооруженныхъ. Крутомъ мальчики и юныя
 дѣвушки
 Поютъ священные гимны и радуются, касаясь ру-
 кою каната.
240. Она подвигается и высоко поднимаясь, вкатывается
 въ ередину города.
 О родина! О жилище боговъ Иліонъ и прославлен-
 ныя въ войнѣ
 Стѣны Трои! Четыре раза на самомъ порогѣ воротъ
 Остановился конь и четыре раза въ животѣ завве-
 нѣло оружіе.
 Мы все-же упорствуемъ, ничего не помня и не за-
 мѣчая въ своемъ ослѣпленіи,
245. И ставимъ несчастное чудовище въ священномъ
 кремлѣ.

И тогда еще открываетъ уста, возвѣщающія гря-
дущую судьбу,

Кассандра, которой, по волѣ бога, никогда не вѣ-
рили троянцы:

А мы, несчастные, для которыхъ этотъ день былъ
последнимъ,

Украшаемъ праздничной зеленью храмы боговъ по
всему городу.

Между тѣмъ вращается небо и изъ океана подни- 250.
мается ночь,

Окутывая громадною тѣнью и землю, и небо,

И козни грековъ. Разсыпавшись по городу, троянцы
Замолкли; сонъ сковываетъ утомленные члены.

И уже греческая рать, выстроивъ корабли, двигалась

Отъ Тенедоса среди дружественнаго молчанія тихой 255.
ночи,

Стремясь къ знакомымъ берегамъ, когда царскій
корабль поднялъ

Огненный сигналъ, и защищенный неправымъ су-
домъ боговъ,

Синонъ выпускаетъ заключенныхъ въ конѣ данай-
цевъ, тайкомъ

Раздвинувъ сосновые засовы. Открытый конь воз-
вращаетъ ихъ

На свободу, и съ радостью вылѣзаютъ изъ дере- 260.
вянной утробы

Вожди Фессандръ, Сѣенель и свирѣпый Улиссъ,

Скользя по спущенному канату, и Акамантъ и Фо-
антъ,

И сынъ Пелея Неоптолемъ, и въ числѣ первыхъ
Махаонъ,

И Менелай и самъ строитель коварнаго сооруженія
Эпей.

Они вторгаются въ городъ, погруженный отъ опя- 265.
ненія въ мертвый сонъ,

Избиваютъ сторожей и въ открытыя ворота прини-
маютъ

Всѣхъ сообщниковъ, присоединяя къ себѣ ихъ со-
юзныя толпы.

Было время, когда для бѣдныхъ смертныхъ начи-
нается первый

Отдыхъ и по милости боговъ сладчайшей истомой
разливается по тѣлу.

270. Вотъ во снѣ мнѣ показалось, что у меня передъ
глазами стоитъ
Печальный Гекторъ и проливаетъ обильныя слезы,
Какъ онъ нѣкогда былъ увлекаемъ нарною колесни-
цей, черной отъ грязи,
Проитанной кровью, и съ раздутыми ногами, пере-
вязанными ремнемъ.
Увы мнѣ! Какимъ онъ былъ, какъ измѣнился по
сравненію съ тѣмъ
275. Гекторомъ, который возвращался, одѣвшись въ до-
спѣхи Ахилла,
Или, поджегши троянскимъ огнемъ греческіе ко-
рабли,
Съ растерзанной бородой и слившимися отъ крови
волосами,
Съ тѣми ранами, которыя онъ въ громадномъ ко-
личествѣ получилъ
Около родныхъ стѣнъ! Мнѣ снилось, что я первый,
плача самъ,
280. Обратился къ герою и произнесъ печальныя слова:
«О свѣтъ Троады, о лучшая надежда троянцевъ!
Что тебя такъ долго задержало? Изъ какихъ мѣстъ
приходишь ты,
Желанный Гекторъ? Какимъ образомъ послѣ ги-
бели многихъ твоихъ друзей,
Послѣ разныхъ напастей, постигшихъ людей и го-
родъ,
285. Мы видимъ тебя, истомленные борьбою? Какая не-
достойная причина
Обезобразила чистое лицо? И почему я вижу эти
раны?»
Онъ — ни слова, и не дожидаясь больше моихъ
пустыхъ разспросовъ,
Испутивъ изъ глубины груди тяжелый вздохъ, го-
ворить:
«О! бѣги, сынъ богини, спасайся изъ этого пламени;
290. Врагъ овладѣлъ городомъ; сверху до низу рушится
Троя.
Довольно сдѣлано для родины и Пріама: если бы
Пергамъ можно
Было защитить руками, онъ былъ бы защищенъ
еще этой десницей.
Троя поручаетъ тебѣ свои святыни и пенатовъ:

Возьми ихъ спутниками въ горькой судьбѣ, ницѣ
 для нихъ великій городъ,
 Который ты построишь, наконецъ, послѣ долгихъ 295.
 блужденій по морю».

Такъ онъ сказалъ и собственными руками вынесъ
 изъ внутренняго святилища
 Могучую Весту съ ея лентами и вѣчный огонь.
 Между тѣмъ городъ приходитъ въ смятеніе и съ раз-
 ныхъ сторонъ раздаются печальные крики
 И все больше и больше, — хотя домъ отца Анхиза
 И стоялъ въ сторонѣ, закрытый деревьями, — 300.
 Становится яснымъ шумъ и вторгается ужасъ
 оружія.

Я стряхиваю сонъ и взбираюсь на самую вершину
 Высокой крыши и стою тамъ, напрягая слухъ:
 Точно такъ же, когда при бушующемъ вѣтрѣ пламя
 охватываетъ

Ниву, или быстрый потокъ текущей съ горъ воды 305.
 Устилаетъ поля, устилаетъ богатые посѣвы, — ра-
 боту воловъ, —

И стремительно увлекаетъ съ собою лѣса, — стоитъ
 въ недоумѣніи пастухъ,
 Слушая шумъ съ высокой вершины утеса.
 Тутъ все становится яснымъ, и открывается ко-
 варство

Грековъ. Уже рухнулъ громадный домъ Деифоба, 310.
 Истребленный огнемъ; уже горитъ сосѣдь его
 Укалегонъ и на широкомъ пространствѣ блеститъ
 отъ огня Сигейская бухта.

Раздается крикъ людей и рѣзкій звукъ трубъ.
 Въ безуміи хватаюсь за оружіе, но мало пользы въ
 оружіи,

И душа загорается желаніемъ собрать отрядъ для 315.
 борьбы

И бѣжать съ товарищами на акрополь, ярость и
 гнѣвъ увлекаютъ
 Сознаніе, и приходитъ на мысль, какъ прекрасно
 умереть за отечество.

Но вотъ Панѳой, ускользнувшій отъ греческихъ
 копій,
 Панѳой, сынъ Оерія, жрецъ Феба на акрополѣ,
 Самъ тащитъ въ рукахъ священную утварь, побѣж- 320.
 денныхъ боговъ,

И маленькаго внука и, задыхаясь, несется бѣгомъ
къ порогу.

«Въ какомъ положеніи дѣла наверху, Панѳой? Ка-
кую займемъ мы крѣпость?»

Едва я сказалъ это, какъ онъ со вздохомъ такъ
мнѣ отвѣтилъ:

«Насталъ послѣдній день и неизбѣжный часъ

325. Для Трояды. Нѣтъ больше троянцевъ, нѣтъ Иліона
и громкой

Славы потомковъ Тевкра; жестокой Юпитеръ все
перенесъ

Въ Грецію; греки господствуютъ въ пылающемъ
городѣ.

Высокой конь, стоящій тамъ среди стѣнъ извергаетъ
Вооруженныхъ, и побѣдитель Синонъ разноситъ
пожаръ,

330. Издѣваясь надъ нами. Одни стоятъ у настежь рас-
крытыхъ воротъ,

Сколько тысячъ когда-либо пришло изъ великихъ
Микенъ,

Другіе заняли узкія мѣста улицъ, выставивъ

Копья; торчатъ сверкающіе концы желѣзнаго ряда
обнаженныхъ мечей,

Готовые къ убійствамъ; лишь первые сторожа у
воротъ

335. Пытаются сражаться и оказывать сопротивленіе въ
ночномъ бою».

Движимый этими словами Панѳоя и волею боговъ,

Я бросаюсь въ огонь и въ битву, куда зоветъ мрачная
Эринія, шумъ и крикъ, несущійся къ небу;

Присоединяется въ товарищи, Рифей и славный
воинъ

340. Эпить, узанные при свѣтѣ луны, и Гипанисъ, и
Димантъ.

Они примыкаютъ къ намъ съ боку, и съ ними
юноша Коребъ,

Сынъ Мигдона: онъ какъ разъ въ тѣ дни прибылъ
Въ Трою, горя безумной любовью къ Касандрѣ.

И, какъ зять, хотѣлъ помогать Пріаму и троянцамъ.

345. Несчастный: не послушался онъ предсказаній своей
Вдохновенной невѣсты.

Когда я увидѣлъ, что они собрались и готовы смѣло
ринуться въ сраженіе,

Я начинаю къ нимъ рѣчь: «Юноши, напрасно ваши
Сердца полны отвагой . . . если вы твердо желаете
слѣдовать

За смѣло идущимъ на смерть, — вы видите, каково 350.
положеніе дѣлѣ.

Вышли изъ храмовъ, оставивъ свои алтари, всѣ
Боги, которыми было крѣпко это царство; вы спѣ-
шите на помощь

Пылающему городу: умремте и ворвемтесь въ сре-
дину сѣчи.

Одно спасеніе для побѣжденныхъ не надѣются ни
на какое спасеніе».

Ярость наполнила тогда души юношей. Отсюда словно 355.
Хищные волки въ черномъ туманѣ, которыхъ сви-
рѣный голодъ

Слѣпо гонить за добычей и съ пересохшими глотками
Ожидаютъ оставленные волчата, среди стрѣлъ, среди
враговъ

Несемся мы на вѣрную смерть, держа путь
По срединѣ города; черная ночь окутываетъ насъ 360.
своей всеобъемлющей тѣнью.

Кто опишетъ ужасъ той ночи, кто опишетъ рѣзню,
Кто могъ бы слезами выразить страданія?

Рушится древній городъ, царившій въ теченіе мно-
гихъ лѣтъ,

Массы недвижимыхъ тѣлъ валяются всюду по
улицамъ,

По домамъ и въ священныхъ жилищахъ боговъ. 365.

Но не одни троянцы платятся своею кровью;

По временамъ и побѣжденнымъ возвращается въ
сердца мужество

И падаютъ побѣдители греки. Всюду страшное
Горе, всюду ужасъ и смерть въ самыхъ разнообраз-
ныхъ видахъ.

Первый изъ грековъ, въ сопровожденіи большой толпы, 370.
Встрѣчается намъ Андрогей, который, въ невѣдѣніи,
принялъ насъ

За толпы союзниковъ и самъ обратился къ намъ
съ дружественными словами:

«Торопитесь, товарищи. Что въ самомъ дѣлѣ застав-
ляетъ васъ такъ долго

Медлить? Другіе уже грабятъ и расхищаютъ пы-
лакшія

375. Пергамъ; а вы только теперь идете съ высокихъ
кораблей?»
Онъ сказалъ и сразу почувствовалъ, — такъ какъ
не получалъ достаточно
Надежнаго отвѣта, — что попалъ въ середину враговъ.
Онъ испугался, подался назадъ и тотчасъ умолкнулъ.
Подобно тому какъ путникъ, пробираясь по землѣ
въ колючемъ кустарникѣ,
380. Наступаетъ неожиданно на змѣю и въ страхѣ сразу
отскакиваетъ назадъ
Отъ ея гнѣвно приподнятой и вздувшейся темно-си-
ней шеи:
Не иначе отпрянулъ Андрогей, потрясенный тѣмъ,
что увидѣлъ.
Мы устремляемся тѣсно сомкнутымъ строемъ, обсту-
паемъ кругомъ,
И безъ разбора избиваемъ незнакомыхъ съ мѣстомъ
и охваченныхъ
385. Ужасомъ грековъ: судьба благоприятствуетъ пер-
вому бою.
И здѣсь Коробъ, опьяненный успѣхомъ и отвагой,
Воскликаетъ: «Товарищи, гдѣ прежде всего судьба
указываетъ
Путь спасенія и являетъ себя благосклонной, туда
и послѣдуемъ:
Перемѣнимте щиты и надѣнемте на себя доспѣхи
390. Данайцевъ. Хитрость или доблесть, — кто спраши-
ваетъ среди враговъ?
Они сами дадутъ оружіе». Сказавъ такъ, онъ на-
дѣваетъ затѣмъ
Волосатый шлемъ Андрогей и роскошно украшен-
ный щитъ,
А съ боку прилаживаетъ греческій мечъ.
Это же дѣлаетъ Рифей, это же самъ Димантъ, и вся
обрадованная выдумкой
395. Молодежь; каждый вооружается новыми доспѣхами.
Смѣшавшись съ греками, мы расхаживаемъ подъ
чужимъ именемъ
И, сходясь среди ночного мрака, завязываемъ много
сраженій
И многихъ изъ данайцевъ отправляемъ въ подземное
царство.
Одни убѣгаютъ къ кораблямъ и стремительно несутся

Къ вѣрнымъ берегамъ, другіе въ позорномъ страхѣ 400.
снова

Забираются въ громаднаго коня и прячутся въ зна-
комой утробѣ.

Увы! никому не слѣдуетъ надѣяться на что-нибудь
противъ воли боговъ.

Вотъ тащатъ Пріамову дочь дѣву Кассандру
Изъ святилища храма Минервы, съ распущенными
волосами,

Простирающую напрасно къ небу . . . пылающіе взоры, 405.
Взоры, а не руки, потому что нѣжныя руки сдер-
живали оковы.

Не вынесъ этого зрѣлища взбѣшенный въ душѣ
Коробъ

И бросился въ средину толпы, чтобы погибнуть.
Мы всё слѣдуемъ за нимъ и налетаемъ тѣсно сом-
кнутымъ строемъ.

Здѣсь сначала съ высокой кровли храма засыпаемъ 410.
ся мы

Стрѣлами нашихъ, и начинается самое жалкое из-
біеніе,

Благодаря обманчивому виду оружія и греческихъ
султановъ.

Затѣмъ собравшіеся отовсюду въ досадѣ и гнѣвѣ на
освобожденіе дѣвы,

Бросаются на насъ данайцы: свирѣпѣйшій Аяксъ,
И оба сына Атрея, и весь отрядъ долоповъ; 415.

Такъ иногда сталкиваются при разразившейся бурѣ
Противные вѣтры: Зефиръ, Нотъ и гордый Эойскими
Конями Эвръ; трещатъ лѣса, бушуетъ съ трезубцемъ
Забрызганный пѣною Нерей и съ самага дна при-
водитъ въ волненіе море.

И тѣ, которыхъ во мракѣ темной ночи 420.

Мы разбили благодаря хитрости и разогнали по
всему городу,

Появляются и первые узнаютъ щиты и обманувшее
ихъ

Оружіе и указываютъ товарищамъ на языкъ, отлич-
ный по звукамъ.

Тотчасъ насъ подавляетъ ихъ масса; и первый
Коробъ .

Падаеть у жертвенника могучей богини войны отъ 425.
руки

- Пенелея; падаетъ и Рифей, одинъ изъ справедли-
вѣйшихъ
Мужей, какіе только были въ Троѣ, и самый стро-
гій блюститель правды, —
Боги рѣшили иначе; — погибають Гипанисъ и Ди-
мантъ,
Пронзенные друзьями; и тебя, Панѳой, не спасло
отъ гибели
430. Ни твое глубокое благочестіе, ни Аполлонова повязка.
Пепель Иліона и погребальное пламя моихъ сограж-
данъ
Свидѣтельствую здѣсь, что въ часъ вашей гибели
я не бѣжалъ
Ни отъ стрѣлъ, ни отъ другихъ превратностей, и
если бы была судьба,
Заслужилъ, чтобы пасть отъ руки данайцевъ. Тутъ
я отрываюсь отъ союзниковъ
435. И со мною Ифитъ и Пелій, — изъ которыхъ Ифитъ
уже
Удрученный годами, а Пелій ослабленный раной
Улисса; —
Крики звали насъ прямо къ дворцу Пріама.
Здѣсь же мы находимъ громадное сраженіе, какъ
будто бы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ
Не было войны, никто не умиралъ во всемъ городѣ.
440. Такъ неукротимъ былъ здѣсь Марсъ, такъ бросались
на дворецъ данайцы,
Осадивъ его входъ съ помощью подогнутой чере-
пахи.
Висятъ на стѣнахъ лѣстницы, и подъ самые косяки
Взбираются греки по ступенькамъ; лѣвыми руками
выставляютъ
Впередъ щиты, защищаясь отъ копій, а правыми
хватаются за карнизы.
445. Троянцы навстрѣчу имъ срываютъ башни и цѣлыя
крыши
Домовъ; уже этимъ оружіемъ, видя близкій конецъ,
Готовы они защищаться, на краю смерти,
И скатываютъ золоченыя балки, роскошныя укра-
шенія
450. Древнихъ предковъ; другія, обнаживъ мечи, внизу
Заняли двери и охраняють ихъ тѣсно сомкнутымъ
строемъ.

Является горячее желаніе бѣжать на защиту царскаго дворца,
Облегчить своей помощью бойцовъ и увеличить силы побѣжденныхъ.

Быль входъ съ потайными дверями, служившій сообщеніемъ

Между зданіями Пріама, и оставленный сзади
Выходъ, гдѣ несчастная Андромаха, пока было цѣло царство, 455.

Часто ходила безъ провожатыхъ къ тестю и тещѣ
И водила съ собою мальчика Астіанакта къ его дѣду.
Здѣсь прохожу я на самый верхъ крыши, откуда
Несчастные троянцы бросали руками бесполезныя кошья.

На краю крыши стояла башня, поднимавшаяся къ звѣздамъ высокою 460.

Крышей, откуда обыкновенно видны были вся Троя, Данайскіе корабли и ахейскій лагерь.

Кругомъ подступивъ съ желѣзомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхній этажъ

Представлялъ шатающіеся скрѣпы, мы срываемъ ее съ высокаго

Основанія и свергаемъ внизъ: рухнувъ вдругъ съ трескомъ, 465.

Она влечетъ обвалъ и широко падаетъ съ верху
На толпы данайцевъ. Но другіе подходятъ; а между тѣмъ

Не прекращаясь сыплются камни и всякаго рода оружіе.

Передъ самымъ входомъ на первомъ порогѣ свирѣпствуетъ

Пирръ, сверкая блескомъ мѣднаго вооруженія; 470.

Такъ иногда на солнцѣ, наѣвшаяся ядовитой травы змѣя,

Которая, раздувшись, скрывалась въ холодную зиму подъ землею,

Теперь, сбросивъ чешую, обновленная, блестящая и юная

Извиваетъ скользкую спину и высоко поднимаетъ Грудь, навстрѣчу лучамъ, высовывая изъ пасти свое трехконечное жало. 475.

Вмѣстѣ съ нимъ громадный Перифантъ и управитель коней Ахилла,

Оруженосецъ Автомедонъ и вся Скиросская молодежь
Подступаютъ къ дворцу и бросаютъ на крыши пы-
лающія головы.

Самъ онъ среди первыхъ, схвативъ топоръ,

480. Перерубаетъ крѣпкій порогъ и срываетъ съ крюка
обитыя мѣдью

Двери: и уже, вырубивъ бревно, онъ продолбилъ
крѣпкое

Дерево и образовалъ широкое отверстіе, словно гро-
матное окно.

Виднѣтся внутренность дома, открываются длин-
ныя залы,

Показываются внутренніе покои Пріама и древнихъ
царей,

485. И видятъ вооруженныхъ, стоящихъ на первомъ порогѣ.

А внутри дома поднимается плачь и страшное
Смятеніе, и въ глубинѣ громадныя комнаты огла-
шаются

Воплями женщинъ; крикъ ударяетъ въ золотыя
звѣзды.

Перепуганныя матроны бѣгаютъ по огромнымъ чер-
тогамъ,

490. Держать въ объятіяхъ колонны и осыпаютъ ихъ по-
щѣлауями.

Наступаетъ сильный, какъ отецъ, Пирръ: ни запоры,
ни сами сторожа

Не въ силахъ его удержать; шатаются сѣни отъ
частыхъ ударовъ

Тарана и падаютъ двери, сорванныя съ крюковъ;

Сила прокладываетъ дорогу; впущенныя данайцы
врываются въ проходъ,

495. Умервцляютъ первыхъ сторожей и наполняютъ сол-
датами широкое пространство.

Не такъ бушуетъ рѣка, когда, прорвавъ насыпь,
выходитъ она,

Покрытая пѣной, одолеваетъ напоромъ водъ встрѣч-
ную плотину,

Какъ гора, несется на поля, и по всей равнинѣ

Увлекаетъ стада вмѣстѣ съ ихъ стойлами. Я видѣлъ
самъ обезумѣвшаго

500. Отъ рѣзни Неоптолема и на порогѣ обоихъ сыновей
Атрея,

Видѣлъ Гекубу, сотню невѣстокъ и Пріама, обагрив-
шаго кровью

Священный огонь, который онъ самъ возжегъ на
жертвенникѣ.

И тѣ пятьдесятъ покоевъ, которые обѣщали такъ
много внуковъ,

И колонны, украшенныя иноземнымъ золотомъ и
оружіемъ,

Все погибло; гдѣ нѣтъ огня, тамъ хозяйничаютъ 505.
данаицы.

Можетъ быть ты спросишь также, каковъ былъ ко-
нецъ Пріама.

Какъ только онъ увидѣлъ паденіе взятаго города,
разрушенныя

Сѣни дворца и врага среди внутреннихъ покоевъ.

Онъ, престарѣлый, напрасно надѣваетъ на дрожація
отъ старости

Плечи оружіе, отъ котораго давно отвыкъ, подпоясы- 510.
вается бесполезнымъ

Мечемъ и несется въ гущу враговъ, чтобы умереть.

Въ серединѣ дворца, подъ открытымъ небеснымъ
сводомъ

Былъ большой жертвенникъ и рядомъ вѣковой лавръ,
Склонявшійся надъ жертвенникомъ и тѣнью покрыв-
шій пенатовъ.

Здѣсь Гекуба и дочери напрасно сидѣли вокругъ 515.
алтаря,

Словно голубки, загнанныя мрачной бурей,

Прижавшись другъ къ другу и обнявши изображе-
нія боговъ.

Когда она увидѣла Пріама, взявшагося за юношеское
Оружіе, она вскрикнула: «Что за дикая мысль,
несчастный супругъ,

Побудила тебя подпоясаться этимъ оружіемъ? И 520.
куда ты стремишься?

Не въ такой помощи и не въ такихъ защитникахъ

Нуждается время, нѣтъ! Если бы даже былъ здѣсь
теперь и мой Гекторъ.

Иди-ка сюда; этотъ жертвенникъ защититъ всѣхъ,
Или ты умрешь вмѣстѣ со мною». Такъ сказавъ,
она приняла

Его къ себѣ и помѣстила престарѣлаго на священ- 525.
номъ сидѣннѣи.

Но вотъ ускользнувшій отъ меча Пирра Полить,
Одинъ изъ сыновей Пріама, пробѣгаетъ среди копій,

- Мимо враговъ, по длиннымъ колоннадамъ, и несется
 черезъ опустѣвшія залы,
 Тяжело раненный. За нимъ, грозя ударомъ, гонится
 горячій
530. Пирръ . . . и вотъ уже почти держитъ его рукою и
 пронзаетъ копьемъ.
 Когда онъ, наконецъ, очутился передъ глазами и
 лицомъ родителей,
 Онъ упалъ и вмѣстѣ съ обильнымъ потокомъ крови
 испустилъ духъ.
 Тутъ Приамъ, хотя самъ уже находился въ объятіяхъ
 смерти,
 Все-же не удержался и не пожалѣлъ ни словъ ни гнѣва:
535. «А тебѣ за преступленіе, воскликнулъ онъ: за та-
 кую наглость
 Пусть боги, — если есть въ небѣ справедливость,
 которая блюдетъ за этимъ,
 Заплатятъ достойной благодарностью и воздадутъ
 должную
 Награду за то, что ты заставилъ меня лицомъ къ лицу
 Увидѣть смерть сына и кровью его забрызгалъ
 отцовское лицо.
340. Нѣтъ! Тотъ Ахиллъ, за сына котораго ты ложно
 себя выдаешь,
 Не былъ таковъ по отношенію къ врагу Приаму,
 онъ устыдился
 Моей справедливой просьбы и довѣрчивости, вернулъ
 могилѣ
 Бездыханное Гекторово тѣло, и отпустилъ меня
 назадъ въ мое царство».
- Такъ сказавъ, старецъ бросилъ безъ размаха слабое
345. Копье, которое тотчасъ отскочило отъ глухо зазвучавшей мѣди,
 И, не причинивъ вреда, повисло на высокой выпуклости щита.
 Ему сказалъ тогда Пирръ: «Такъ ты пойдешь отъ
 меня вѣстникомъ и сообщишь это
 Отцу Ахиллу. Не забудь ему разсказать о моихъ
 Ужасныхъ дѣяніяхъ, о недостойномъ его сынѣ Неоптолемѣ. . .
350. Теперь умри». Говоря это, онъ потащилъ его къ самому жертвеннику,
 Дрожащаго и скользившаго въ потокахъ сыновней
 крови,

Навернулъ волосы на лѣвую руку, правой поднялъ
Сверкающій мечъ и по самую рукоятку вонзилъ
его въ бокъ.

Таковъ конецъ Пріама, такой исходъ жизни при-
несла

Ему судьба — видѣть пылающую Трою и разрушенный 555.
Пергамъ, — ему, нѣкогда гордому повелителю
Столькихъ земель и народовъ Азіи! Лежитъ на бе-
регу громадный трупъ,

Оторванная отъ плечъ голова и безымянное тѣло.

А мною тогда впервые овладѣлъ жестокій страхъ;
Я остолбенѣлъ: мнѣ представился образъ дорогого 560.
родителя,

Когда я увидѣлъ его сверстника — царя, испускав-
шаго послѣдній вздохъ

Отъ безжалостной раны; представилась покинутая
Креуза,

Расхищенный домъ и гибель маленькаго Тула.

Я оглядываюсь назадъ и смотрю, какіе есть вокругъ
меня помощники.

Всѣ, утомившись, покинули меня, попрыгавъ на землю, 565.
Или предавъ огню свои изнуренныя тѣла.

И уже я оставался совершенно одинъ, — какъ вдругъ
вижу дочь Тиндарея,
Сидящую у входа въ храмъ Весты и молчаливо
скрывающуюся

Въ уединенномъ мѣстѣ; пожаръ шлетъ мнѣ яркій
свѣтъ,

Когда я блуждаю, обводя взорами всѣ окружающіе 570.
предметы.

Она, напередъ опасаясь сердитыхъ на нее за разру-
шеніе Пергама

Троянцевъ, мести грековъ и гнѣва покинутаго

Супруга, — общая фурія Трои и родины, —

Спряталась здѣсь и сидѣла, ненавистная, у жер-
твенника.

Огонь вспыхнулъ у меня въ душѣ; является гнѣв-
ное желаніе 575.

Отомстить за погибающее отечество и подвергнуть
злодѣйку казни.

«Значитъ, она, невредимая, увидитъ Спарту и родныя
Микены и пойдетъ, какъ царица, въ добытомъ триумфѣ,
Увидитъ мужа, домъ, родителей и дѣтей,

580. Сопровождаемая толпой троянокъ и фригійскими рабами?
 А Пріамъ погибнетъ отъ меча? Троя сгоритъ огнемъ?
 Дарданскій берегъ столько разъ увлажнится кровью?
 Нѣтъ! такъ не будетъ! И хотя, правда, нѣтъ никакой особенной славы
 Въ наказаніи женщины и не имѣетъ ничего похвальнаго подобная побѣда,
585. Все же за то, что я уничтожилъ злодѣйство и подвергъ заслуженной
 Казни, меня будутъ хвалить и будетъ пріятно, что пламенемъ
 Мщенія я наполнилъ душу и удовлетворилъ прахъ моихъ согражданъ».
 Такъ я размышлялъ и съ бѣшенствомъ въ душѣ готовъ былъ броситься на Елену,
 Какъ вдругъ явилась мнѣ никогда раньше такъ ясно
- 590 Не являвшаяся взорамъ благодатная мать и въ чистомъ свѣтѣ
 Засіяла среди ночи, въ образѣ настоящей богини, какой прекрасной
 И величественной ее обыкновенно видятъ небожители; и взявъ правой рукою
 Она сдержала меня и розовыми устами произнесла слѣдующее:
 «Сынъ, что за обида возбуждаетъ столь неукротимый гнѣвъ?»
595. Что ты безумствуешь и куда же дѣвалась у тебя забота о насъ?
 Неужели ты не согласишься впередъ, гдѣ оставилъ удрученнаго
 Старостью Анхиза, цѣла ли супруга Креуза
 И сынъ Асканій? Со всѣхъ сторонъ вокругъ нихъ блуждаютъ
 Отряды грековъ, и если бы моя забота не охраняла,
600. Ихъ уже унесло бы пламя и сразилъ непріятельскій мечъ.
 Не лицо ненавистной тебѣ спартанки, дочери Тиндарея,
 И не преступный Парисъ: боговъ немилость, боги Низвергають это могущество и до тла разрушаютъ Троию.
 Посмотри,— я разсѣю весь туманъ, который теперь,

Разстилаясь у тебя передъ глазами, притушаетъ 605.
смертное зрѣніе и обдаетъ

Тебя сырою мглой; ты не бойся вѣлвнѣй своей
Матери и не отказывайся повиноваться предпи-
саніямъ,—

Здѣсь, гдѣ ты видишь разбросанныя громады и скалы,
Оторванныя отъ скалъ, и клубящійся дымъ, пере-
мѣшанный съ пылью,

Нептунъ трясетъ стѣны и сдвинутый громаднымъ 610.
Трезубцемъ фундаментъ и разрушаетъ до основанія
весь

Городъ. Здѣсь впереди всѣхъ жесточайшая Юнона
занимаетъ

Скейскія ворота и подпоясавшись мечемъ, полная
ярости,

Зоветъ съ кораблей союзное войско.

Уже, посмотри, на вершинѣ акрополя возсѣдаетъ 615.
Тритонійская

Паллада, сіяя свѣтлымъ облакомъ и ужасной горгоной.
Самъ отецъ Юпитеръ посылаетъ данайцамъ бодрость
и новыя

Силы, самъ подстрекаетъ боговъ на битву съ тро-
янцами.

Спасайся, сынъ, бѣгствомъ и положи конецъ борьбѣ.
Я нигдѣ тебя не покину и поставлю въ безопасности 620.
на отцовскомъ порогѣ».

Она сказала и скрылась въ густой тѣни ночи. . .
Появляются страшныя лица и враждебныя Троѣ
Великія силы боговъ.

Тутъ то мнѣ показалось, что погружается въ пла-
мень весь

Иліонъ и съ самыхъ основъ рушится Нептунова 625.
Троя;

Такъ на вершинѣ горы вѣковой ясенъ, подрублен-
ный частыми ударами

Желѣзныхъ топоровъ, когда поселяне наперерывъ
Стараются его свалить, постоянно грозитъ паденіемъ
И, дрожа листвою, качаетъ сотрясенной вершиной,
Пока, наконецъ, мало-по-малу, обезсиленный ранами, 630.
Трещитъ и, оторвавшись отъ вершины, влечетъ за
собою обвалъ.

Я спускаюсь съ акрополя и, направляемый боже-
ствомъ, пробираюсь

Среди пламени и враговъ; конья даютъ дорогу и
пламя отступаетъ.

И вотъ, когда я пришелъ уже къ порогу отцовскаго
жилища,

635. Къ нашему старому дому, отецъ, котораго я прежде
всѣхъ

Хотѣлъ унести на высокія горы и прежде всѣхъ
встрѣтилъ,

Отказывается продолжать жизнь послѣ гибели Трои
И отправиться въ изгнаніе. «Вы, у которыхъ неис-
порченная юная

Кровь, сказалъ онъ: и крѣпкія силы сохраняются
во всей полнотѣ,

640. Вы помышляйте о бѣгствѣ.

Мнѣ же, если бы небожители пожелали, чтобы я
продолжилъ жизнь,

Они сохранили бы это жилище. Довольно и даже
больше чѣмъ довольно

Что я видѣлъ и пережилъ одно разрушеніе взятаго
города.

Такъ! о, такъ пусть лежитъ это тѣло, скажите ему
«прости» и уходите.

645. Я самъ найду смерть отъ руки врага; скалится врагъ
И бросится на доспѣхи. Легка утрата могилы.

Уже давно ненавистный богамъ и бесполезный
влачу я

Годы, съ тѣхъ поръ какъ отецъ боговъ и царь людей
Подулъ на меня вѣтромъ молніи и коснулся огнемъ.

650. Такъ говоря, онъ упорствовалъ на своемъ и остался,
какъ пригвожденный.

Мы, напротивъ, залились слезами и молили всѣ: и
супруга Креуза,

И Асканій, и весь домъ, чтобы отецъ вмѣстѣ съ собою
Не губилъ всего и не подгонялъ гнетущую насъ
судьбу.

Онъ отказывается и, вѣрный своему намѣренію,
сидитъ все на томъ же мѣстѣ.

655. Снова бросаюсь я къ оружію и въ отчаяніи желаю
смерти.

Въ самомъ дѣлѣ какой совѣтъ и какой исходъ еще
представлялся?

«Неужели ты думаешь, родитель, что я могу уйти,
оставивъ

Тебя, и такія ужасныя слова вырвались изъ отцов-
скихъ устъ?
Если богамъ угодно, чтобы ничего не осталось отъ
такого города,
И это засѣло у тебя въ душѣ, и тебѣ пріятно при- 660.
бавить къ обреченной
На гибель Троѣ себя и своихъ близкихъ, то дверь
открыта для такой смерти:
Сейчасъ явится Пирръ отъ обильныхъ потоковъ
Пріамовой крови,
Который обезглавитъ сына на глазахъ отца, а отца
передъ жертвенникомъ.
Такъ вотъ зачѣмъ, благодатная мать, спасаешь ты
меня среди копій,
Среди огня! чтобы я видѣлъ врага среди внутреннихъ 665.
Покоевъ, чтобы видѣлъ Асканіа, моего отца и ря-
домъ Креузу,
Какъ они будутъ заколоты одинъ въ крови другого?
Оружіе, товарищи, несите оружіе; послѣдній лучъ
зоветъ побѣжденных!
Верните меня данайцамъ, дайте опять увидѣть во-
зобновленное
Сраженіе. Ни за что всѣ мы не умремъ сегодня, 670.
неотомщенные!»
Тутъ я снова опоясываюсь мечемъ, и, прилажи-
вая щитъ,
Вкладываю въ него лѣвую руку и несусь вонъ
изъ дома.
Но вотъ, обнявши ноги, на порогъ повисла
Супруга и протягивала отцу маленькаго Іула:
«Если ты уходишь, чтобы погибнуть, то и насъ бери 675.
съ собою на все;
Если же, испытанный въ бою, ты возлагаешь какую-
нибудь надежду на взятое оружіе,
Прежде всего защищай этотъ домъ. Кому останется
маленькій
Іуль, кому отецъ и супруга, которую нѣкогда ты
назвалъ своею?»
Такъ восклицая, она наполняла рыданіями весь домъ.
Какъ вдругъ появилось невыразимо дивное знаменіе. 680.
А именно показалось, что между руками и лицами
печальныхъ родителей
Съ самой верхушки головы Іула льетъ свѣтъ

- Легкое остроконечное пламя и, не причиняя вреда
своимъ прикосновеніемъ,
Огонь лижетъ мягкія кудри и пылаетъ вокругъ
висковъ.
685. Мы, испугавшись, мечемся отъ страха, встряхи-
ваемъ горящіе
Волосы и тушимъ водою священный огонь.
А отецъ Анхизъ, объятый радостью, поднялъ глаза
Къ звѣздамъ и простеръ ладони къ небу со словами:
«Всемогущій Юпитерь, если ты склоняешься каки-
ми-нибудь мольбами,
690. Взгляни на насъ только, и, если мы заслуживаемъ
своимъ благочестіемъ,
Дай отецъ еще указаніе и имъ подкрѣпи эти знаменія».
Едва сказалъ это старецъ, какъ внезапный трескъ
Загремѣлъ слѣва, и съ неба скользнувъ среди мрака,
Пронеслась звѣзда, таща за собою ярко свѣтящійся
хвостъ.
695. Мы видимъ, какъ она, скользя надъ высокой кров-
лею дома,
Скрывается въ Идейскомъ лѣсу, обозначая
Путь сіяніемъ; тогда слѣдъ отъ нея длинной полосой
Разливаетъ свѣтъ на небѣ, и широко кругомъ мѣст-
ность дымится отъ сѣры.
- Тогда-то побѣжденный родитель поднимается съ мѣста,
700. Взываетъ къ богамъ и обращается съ мольбой къ
святому свѣтилу.
«Теперь уже нѣтъ никакихъ препятствій, я слѣдую
и буду тамъ, куда вы ведете,
Боги отцовъ, спасите домъ, спасите внука.
Ваше это указаніе, и въ вашей волѣ находится
Троя.
Я покоряюсь и не отказываюсь, сынъ, быть тебѣ
спутникомъ».
705. Онъ сказалъ, а уже за стѣнами яснѣе слышится
Огонь, и ближе катитъ пожаръ свои жаркія волны.
«Итакъ, дорогой отецъ, садись же ко мнѣ на шею,
Я самъ подойду плечами, и трудъ этотъ не будетъ
мнѣ въ тягость.
Какой конецъ ни приметъ дѣло, одна и общая
будетъ опасность,
710. Одно спасеніе будетъ обоимъ. Рядомъ со мною
пусть идетъ

Маленькій Гуль, а поодаль пусть хранитъ наши
слѣды супруга.

Вы, слуги, на то, что я скажу, обратите свое вниманіе.
Есть при выходѣ изъ города холмъ и ветхій храмъ
Покинутой Цереры, а рядомъ старый кипарисъ,
Много лѣтъ охранявшійся религіей отцовъ: 715.

Въ это одно мѣсто придемъ мы съ разныхъ сторонъ.
Ты, родитель, возьми въ руки святыни и отцовскихъ
пенатовъ;

Мнѣ, вышедшему изъ такой борьбы и недавней сѣчи,
Грѣхъ къ нимъ прикасаться, пока я не омоюсь въ
Рѣки». [струяхъ 720.

Сказавъ это, я настилаю поверхъ широкихъ плечъ
и склоненной

Шеи одежду и шкуру желтаго льва

И принимаю на себя ношу; въ правую руку вѣ-
нился маленькій

Гуль и слѣдуетъ за отцомъ неравными шагами;
Сзади идетъ супруга. Мы несемъ по окутаннымъ 725.
мракомъ мѣстамъ;

И меня, котораго давно не смущали никакія направ-
ленные въ меня

Копья, ни собравшіеся враждебнымъ строемъ греки,
Теперь пугаетъ каждый вѣтерокъ, каждый звукъ воз-
буждаетъ меня,

Встревоженного и одинаково боящагося и за спут-
ника и за ношу.

И уже я приближался къ воротамъ и, казалось, 730.
прошелъ

Всю дорогу, какъ вдругъ мнѣ показалось, что доно-
сится до ушей

Частый шумъ отъ ногъ, и родитель, вперяя взоръ
Въ темноту, восклицаетъ: «Сынъ! бѣги, сынъ; при-
ближаются!

Я вижу горячіе щиты и сверкающую мѣдь».

Здѣсь у меня, охваченнаго страхомъ, не знаю какое- 735.
то враждебное божество

Отнимаетъ помутившійся разумъ. Въ самомъ дѣлѣ,
пока я бѣгомъ

Пробираюсь въ сторонѣ отъ дороги и схожу со зна-
комаго направленія пути

Увы! судьба похищаетъ у меня, несчастнаго, су-
пругу Креузу!

- Остановилась ли она, сбилась ли съ дороги или
присѣла, утомившись,
740. Неизвѣстно: но послѣ этого она не возвращалась
моимъ взорамъ,
И не прежде я замѣтилъ ея потерю и подумалъ о ней,
Чѣмъ пришли мы къ холму и священному жилищу
древней
Цереры; тутъ только, когда всѣ собрались вмѣстѣ,
Ея не оказалось: она исчезла незамѣтно для спут-
никовъ, и для сына, и для мужа.
745. Кого ни обвинилъ я, безумный, и изъ людей и изъ
боговъ,
И что видѣлъ я болѣе жестокое въ разрушенномъ
городѣ?
Асканія, отца Анхиза и троянскихъ пенатовъ
Поручаю я товарищамъ и укрываю въ извилинѣ
долины.
Самъ возвращаюсь въ городъ и ооясываюсь бле-
стящимъ оружіемъ.
750. Рѣшено снова подвергнуться всѣмъ случайностямъ,
вновь пройти черезъ всю
Трою и снова выставить голову навстрѣчу всѣмъ
опасностямъ.
Сначала разыскиваю стѣны и окутанный мракомъ
проходъ
Черезъ ворота, въ которыя я направлялъ шаги изъ
города, наблюдаю примѣты
И слѣдую назадъ среди ночи, и взоромъ озираюсь
кругомъ:
755. Ужасъ повсюду въ душѣ; страшить даже самое
молчаніе.
Оттуда къ дому, — быть можетъ туда шаги . . . быть
можетъ туда она направила. —
Несусь обратно: ворвались данайцы и занимали весь
домъ.
Вдругъ ѣдкій огонь взвивается вѣтромъ къ самой
Кровлѣ, высоко поднимается пламя, жаръ пышитъ
къ небу.
760. Я иду впередъ и снова вижу дворецъ Пріама и
акрополь.
И уже въ пустыхъ галлереяхъ въ храмѣ Юноны
Отборные сторожа Фениксъ и жестокій Улисъ
Сторожили добычу. Сюда отовсюду сносятъ

- Троянскія сокровища, вытащенные изъ сожженныхъ
святилищъ и жертвенники
Боговъ и массивныя чаши изъ золота и захваченныя 765.
Одежды. Дѣти и дрожащія отъ страха матери длин-
нымъ рядомъ
- Стоять кругомъ.
Я осмѣлился даже возвысить голосъ среди мрака
Наполнилъ крикомъ улицы и, печально повторяя,
Снова и снова напрасно звалъ Креузу. 770.
Когда я искалъ и безъ конца метался по зданіямъ
города,
- У меня передъ глазами явился несчастный призракъ,
тѣнь
Самой Креузы и болѣе величественный, чѣмъ зна-
комый мнѣ, образъ.
Я остолбенѣлъ, стали волосы дыбомъ и голосъ замеръ
въ горлѣ
- Тогда она такъ заговорила и своими словами избавила 775.
меня отъ тревогъ:
- «Къ чему такъ сильно предаваться безумному горю,
О милый супругъ? Не безъ воли боговъ это
Происходитъ; и тебѣ не судьба взять отсюда спут-
ницей
Креузу и не позволяеть этого тотъ владыка на вы-
сокомъ Олимпѣ.
- Долгое предстоитъ тебѣ изгнаніе, и придется бороз- 780.
дить громадную морскую равнину
И прибудешь ты въ Гесперійскую землю, гдѣ среди
тучныхъ полей
Земледѣльцевъ тихими струями течетъ Лидійскій
Тибръ.
- Тамъ счастье и царство и царственная супруга
Тебѣ назначены судьбою: прогони слезы о возлю-
бленной Креузѣ.
- Я не увижу жилищъ надменныхъ мирмидонцевъ или 785.
долоповъ
- И служить греческимъ матронамъ не пойду я,
Внучка Дардана и невѣстка богини Венеры:
Нѣтъ! великая мать боговъ удерживаетъ меня на
этихъ берегахъ.
- Теперь прощай и храни любовь къ общему сыну».
Произнеся эти слова, она покинула меня обливаю- 790.
щагося слезами

И хотѣвшаго многое сказать и исчезла въ тонкихъ струяхъ воздуха.

Трижды пытался тогда я обвить руками ея шею:

Трижды убѣгалъ отъ руки напрасно обнимаемый образъ,

Равный легкому вѣтру и совершенно подобный летучему сну.

795. Такъ, наконецъ, потративъ ночь, я возвращаюсь къ товарищамъ.

И тутъ съ удивленіемъ нахожу, что стеклось громадное

Число новыхъ спутниковъ: женщины и мужчины, Молодежь, собравшаяся въ изгнаніе, несчастный народъ,

Отовсюду сошлись, смѣло готовые со своимъ добромъ итти,

800. Въ какія бы земли ни вздумалъ я направить ихъ по морю.

И уже надъ вершинами Иды поднимался Люциферъ

И велъ за собою день: данайцы охраняли занятые

Входы воротъ и никакой надежды на помощь не представлялось:

Я уступилъ и, поднявши отца, устремился на горы.

370 - 437 = 2. März

438 - 505 = 3 "

506 - 566 = 4 "

Caesar Montag: Buch VII 245^{Stamm} 26 incl.